

Оригинальная статья

УДК 81'25

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-126-138>

«Видимость» и «невидимость» переводчика при лингвокультурной адаптации реалий: диахроническое исследование переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Анастасия Сергеевна Соколова

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
hawkschatten@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7625-8394>*

Введение. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» принадлежит к мировой литературе, а наличие постоянно публикуемых новых переводов свидетельствует об интересе к данному произведению. Целью настоящего исследования является сравнительно-сопоставительный анализ переводов романа «Преступление и наказание» в диахроническом аспекте. В данной статье проводится оценка изменений в норме перевода.

Методология и источники. Материалом исследования послужил роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», а также переводы на английский язык, выполненные К. Гарнетт, Д. Макдаффом, Р. Пиваром и Л. Волохонской. В ходе работы применялись следующие методы: сравнительно-сопоставительный, описательный, а также контекстуальный.

Результаты и обсуждение. Ранние переводы романа характеризуются легкостью восприятия, но при этом в них утрачиваются маркеры исходной культуры из-за их нейтрализации и замены на маркеры принимающей культуры. Поздние переводы демонстрируют осознанность со стороны переводчика в стремлении подчеркнуть принадлежность произведения к иной культуре, вследствие чего текст перевода становится труднее для восприятия: он изобилует транслитерированными элементами и переводческими комментариями. Особый случай демонстрируют переводы, в которых выдерживается баланс между доместикацией и форенизацией, благодаря чему в тексте перевода сохранена культурологическая точность, читабельность и избыточность описательных элементов (переводческих комментариев), которые не усложняют восприятие текста, а приближают читателя к исходной культуре.

Заключение. Выявленные различия в лингвокультурной адаптации культурно-маркированной лексики демонстрируют разное отношение к «видимости» и «невидимости» переводчика. Однако в ходе исследования было выявлено, что сохранение баланса между двумя крайностями позволяет породить посильный для восприятия перевод, сохраняющий в себе инолингвокультурные вкрапления.

Ключевые слова: лингвокультурная адаптация, доместикация, форенизация, культурно-маркированная лексика, реалия, приблизительный перевод

© Соколова А. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Соколова А. С. «Видимость» и «невидимость» переводчика при лингвокультурной адаптации реалий: диахроническое исследование переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 126–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-126-138.

Original paper

“Visibility” and “Invisibility” of the Translator in the Linguocultural Adaptation of Realia: A Diachronic Study of Translations of F.M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”

Anastasiia S. Sokolova

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia,
hawkschatten@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7625-8394>*

Introduction. F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" belongs to world literature, and the presence of constantly published new translations testifies to the interest in it. The objective of this study is a comparative analysis of translations of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in the diachronic aspect. This article assesses changes in the translation norm.

Methodology and sources. The research material was the novel "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky, as well as translations into English by C. Garnett, D. McDuff, R. Pevear and L. Volokhonskaya. The following methods were used in the course of the work: comparative-contrastive, descriptive, and contextual.

Results and discussion. Early translations of the novel are characterized by ease of perception, but at the same time they lose markers of the original culture by neutralizing them and replacing them with markers of the receiving culture. Later translations demonstrate a conscious effort on the part of the translator to emphasize the work's belonging to another culture, as a result of which the text of the translation becomes more difficult to perceive: it abounds in transliterated elements and translation comments. A special case is demonstrated by translations that maintain a balance between domestication and foreignization, as a result of which the text of the translation retains cultural accuracy, readability and redundancy of descriptive elements (translation comments), which do not complicate the perception of the text, but bring the reader closer to the original culture.

Conclusion. The differences revealed in the linguocultural adaptation of culturally marked vocabulary demonstrate different attitudes towards the "visibility" and "invisibility" of the translator, however, during the study it was revealed that maintaining a balance between the two extremes allows one to generate a translation that is easy to perceive and retains foreign linguistic and cultural inclusions.

Keywords: linguocultural adaptation, domestication, foreignization, culturally marked vocabulary, realia, approximate translation

For citation: Sokolova, A.S. (2026), "“Visibility” and “Invisibility” of the Translator in the Linguocultural Adaptation of Realia: A Diachronic Study of Translations of F.M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 126–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-126-138 (Russia).

Введение. Личность Ф. М. Достоевского и его произведения известны не только среди отечественных читателей, но и среди зарубежных, причем стоит отметить, что его популярность за рубежом неожиданным образом возросла. Так, повесть «Белые ночи», в англоязычном переводе изданная Penguin Books, стала четвертой по продаваемости книгой за 2024 г.,

попав в список популярных произведений современных писателей. Всплеск интереса к творчеству Ф. М. Достоевского среди молодежи в Великобритании образно описывается The Guardian как «лихорадка белых ночей» («White Nights fever») [1]. Читатели поколения Z откликаются на поднятую Достоевским тему одиночества, особо остро переживаемую теми, кто ощутил на себе последствия изоляции во время пандемии COVID-19. Исследователи отмечают, что поколению Z свойственны такие черты, как высокий уровень эмоционального интеллекта [2], подверженность депрессивным состояниям, частое ощущение одиночества [3], склонность к эскапизму [4]. Все это позволяет современному читателю испытывать особое духовное родство с героями Достоевского.

Роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского переведен более чем на 170 языков. Сегодня существует 15 переводов на английский язык и новые переводы, которые публикуются до сих пор. Это свидетельствует о том, что роман является ядром, «центром переводческой аттракции» [5, с. 264] с признанными удачными или популярными его переводами. Постоянное возникновение новых переводов вне зависимости от их популярности и качества, т. е. их «повторность» [6], можно считать индикатором высокого интереса к произведению. Невозможно не признать тот факт, что роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», несмотря на долгое непринятие за рубежом, на данный момент стал одним из значимых произведений не только отечественной, но мировой литературы.

Термин «мировая литература» (нем. *Weltliteratur*, англ. *world literature*, фр. *littérature mondiale*), восходящий к трудам И. В. фон Гёте, актуализировал и переосмыслил в современном филологическом дискурсе Д. Дамрош. Под мировой литературой понимаются произведения, которые не лишаются, а приобретают нечто важное и необходимое в процессе их перевода, следовательно, перевод способствует раскрытию смыслов исходного текста [7, р. 19]. Мировая литература рассматривается Д. Дамрошем в качестве результата бесконечного процесса обмена культурных идей и диалога разных культур, а не только в качестве формального перечня художественных произведений. Бесконечность, или динамичность, характеризуется постоянным взаимодействием произведений, в котором происходит взаимное переплетение. Так, в каком-либо произведении можно обнаружить элементы одного или нескольких других. Динамичность также обусловлена расширением перечня произведений, входящих в состав мировой литературы по мере межкультурного взаимодействия. Произведения мировой литературы являются отражением исходной и принимающей культур.

Представитель французской филологии Жером Давид, также поднимая вопрос мировой литературы, спорит с точкой зрения Д. Дамроша, заключающейся в обязательном условии, согласно которому произведение должно стать «региональным», прежде чем стать «мировым» [8, р. 163]. Ж. Давид считает, что мировая литература должна включать и произведения, относящиеся к глобальной литературе. Следовательно, мировая литература транснациональна [9] и представляет собой тесное взаимодействие всех произведений, а также взаимодействие через них исходных и принимающих культур.

Отличной от Д. Дамроша точки зрения об отношении перевода и произведений мировой литературы придерживается Э. Эптер, в работах которой прослеживается парадоксальное сосуществование двух тезисов: «Nothing is translatable» и «Everything is translatable» [10, р. 226],

из которых следует, что через процесс перевода может пройти совершенно любой текст, однако финальный текст перевода будет лишен исходных культурных особенностей [11].

Художественное произведение существует в том числе и в форме перевода, легкость восприятия которого стирает границы перевода и оригинала. Данный эффект тесно связан с концептом «fluency», описанным Л. Венути, согласно которому легкость прочтения перевода приводит к тому, что переводчик становится «невидимым», а автор оригинального произведения – «видимым» [12]. Представления Л. Венути о «видимости» и «невидимости» (или «прозрачности» в других исследованиях [13]) переводчика соотносимы с двумя переводческими стратегиями: форенизацией и доместикацией соответственно.

Текст перевода воспринимается как оригинальное произведение вследствие применения стратегии доместикации. Переводчик, становясь незримым для читателя, приближает иноязычный текст к принимающей культуре, нивелируя все «чужое» и, следовательно, «непонятное» и адаптируя под «свое» и «понятное».

С другой стороны, стратегия форенизации не оставляет читателя в покое и подчеркивает непохожести двух культур. Л. Венути характеризует данную стратегию «сопротивлением» («resistancy») [14, p. 242], проявляющимся в том, что такой текст перевода воспринимается сложнее, поскольку он бросает вызов представителям принимающей культуры, погружая их в иноязычную культуру.

Доместикация и форенизация представляют собой два варианта «давления» («violence») [12, p. 20]. В ходе доместикации происходит этноцентрическое «давление» на текст оригинала и исходный культурный код, а в ходе форенизации этноцентрическому «давлению» подвергается культурный код языка перевода. Из двух вариантов, не являющихся противоположными друг другу, Л. Венути отдает предпочтение форенизации как способу сохранения культурного разнообразия исходного произведения. Другой исследователь, А. Берман, тоже выступает против стремления адаптировать оригинальный текст путем нивелирования исходного культурного кода, однако при этом обращает внимание на то, что каждому переводчику свойственно стремление адаптировать текст путем уменьшения вариативности, которое также называется «деформирующей тенденцией» [15, p. 280]. К таким «деформирующим тенденциям» относятся: излишние разъяснения, вследствие чего происходит необоснованное увеличение объема текста перевода; избыточное «улучшение» и «украшательство» текста; сведение лексического разнообразия к общему и нередко нейтральному понятию; нейтрализация диалектов, социолектов и идиолектов; подбор эквивалента идиоматическим выражениям; нарушение смыслообразующей структуры текста; деформация ритма (характерна при переводе лирических произведений).

С учетом проанализированных работ следует, что форенизация и доместикация не являются диаметрально разными стратегиями, крайностями, из которых можно придерживаться исключительно одной: переводчик в ходе работы с художественным произведением не использует только одну из двух стратегий, напротив, он применяет обе в разных соотношениях. С одной стороны, переводчик может максимально адаптировать произведение под нормы принимающей культуры, что в значительной степени облегчает восприятие перевода, убирает переводчика из поля видимости читателя и нивелирует «чужие» элементы.

С другой стороны, переводчик может подчеркнуть свое присутствие, акцентируя внимание на культурных различиях, что осложняет восприятие текста, но сохраняет его принадлежность к иноязычной культуре. Переводчик вправе в качестве основы выбрать одну из стратегий либо попытаться сохранить баланс между ними. Баланс представляет собой ненавязчивое присутствие переводчика с намеком на прозрачность, характеризуется сохранностью голоса автора, признанием культурных различий и их объяснением («patient interpretive, contextualizing negotiating») [16, p. 387] без грубых нарушений культурного облика путем излишней нейтрализации и навязчивых вкраплений элементов принимающей культуры.

Поэтому невозможно не прийти к выводу о ценности изучения разных переводов одного художественного произведения, заключающейся в том, что все переводы дополняют друг друга.

Таким образом, принимая во внимание принадлежность романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» к мировой литературе, резко возросший интерес современного зарубежного читателя к произведениям данного писателя, что выражено в возникновении феномена «лихорадки белых ночей», а также переводческий интерес к этому роману, о чем свидетельствует постоянно обновляющееся количество переводов (переводная множественность [17]), можно прийти к выводу об актуальности исследования переводов данного романа с их сравнительно-сопоставительным анализом на фоне недостаточной изученности данного вопроса, что обуславливает также научную новизну нашего исследования.

Цель данного сравнительно-сопоставительного диахронического исследования переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» заключается в выявлении степени влияния времени создания перевода на применяемые стратегии и оценка меняющейся нормы перевода.

Методология и источники. На фоне описанной множественности переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» можно прийти к выводу о слишком обширном материале для настоящего исследования, вследствие чего для выполнения поставленной цели появилась необходимость в отборе материала согласно определенным критериям.

В качестве материала исследования были использованы переводы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [18] на английский язык, выполненные К. Гарнетт (1914) [19], Д. Макдаффом (1991) [20], Р. Пивиаром и Л. Волохонской (1992) [21]. Отобранный материал обоснован определенными критериями: общедоступность и популярность среди современного читателя; осведомленность переводчика в области теории перевода и филологии, а также наличие других переводов русской классики; формальная целостность переводов на структурном уровне.

Следовательно, отобранные переводы являются полными версиями исходного произведения, т. е. все структурные элементы сохранены. Создатели отобранных переводов ранее работали над переводами других произведений Ф. М. Достоевского, включающих не только романы великого пятикнижия, но и рассказы, а также над переводами других художественных произведений, составляющих значимый пласт русской классики, включающий произведения А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова А. П. Чехова и т. д. Среди отобранных переводов присутствуют и популярные, спустя время подвергшиеся критике ввиду значительных несоответствий, а также переводы, признанные удачными.

В ходе работы применялись следующие методы: сравнительно-сопоставительный, описательный и контекстуальный. Сравнительно-сопоставительный стал основным методом исследования, использованным для выделения разных способов передачи реалий в отобранных для исследования переводах и анализа изменившейся тенденции в переводе с диахронической точки зрения. Каждая культурно-маркированная единица была проанализирована не изолированно, а в контексте с целью верной оценки переводческого решения в каждом рассматриваемом случае. Контекстуальный метод позволил оценить влияние каждого переводческого решения на исходный смысл, заключенный в реалии. В ходе работы была также описана степень сохранности реалий в рассматриваемых переводах.

Результаты и обсуждение. Культурно-маркированная лексика отражает действительность, существующую вне языка, что делает ее перевод одним из сложнейших вопросов современного переводоведения. В ходе работы с любым текстом, где присутствуют реалии, переводчик прибегает к лингвокультурной адаптации для приспособления исходного текста под принимающую культуру. В данном исследовании под лингвокультурной адаптацией понимается ряд способов приспособления текста на языке оригинала для достижения адекватного восприятия носителями культуры языка перевода.

От удачной передачи культурно-маркированной лексики зависит сохранность атмосферы эпохи, описанной автором оригинального произведения, ее культурного колорита. В ходе работы с культурно-маркированной лексикой невозможно передать элементы иноязычной культуры без потерь, поэтому главная задача переводчика заключается в выборе верной стратегии с учетом значимости реалии относительно произведения. Некоторые реалии нуждаются в дополнительном толковании и разъяснении посредством описательного перевода или введения переводческого комментария. С другой стороны, чрезмерное разъяснение каждой реалии, не препятствующей пониманию произведения, избыточно. Основные способы передачи реалий включают в себя транскрипцию, транслитерацию и непосредственный перевод, в ходе которого реалия на исходном языке (ИЯ) заменяется на реалию языка перевода, осуществляется приблизительный или контекстуальный перевод либо вводится неологизм в форме кальки или полукальки.

В ходе исследования были отобраны реалии, относящиеся к следующим группам: реалии, обозначающие предметы быта; реалии, обозначающие предметы одежды; гастрономические реалии; реалии, обозначающие здания и помещения. Сравнительно-сопоставительное исследование позволило сделать выводы о способах передачи культурно-маркированной лексики в разных переводах, определить степень сохранности культурного облика (полная сохранность, частичная сохранность и утрата культурного облика реалии), а также оценить выраженность «видимости» и «невидимости» переводчика в каждом из случаев.

Перевод К. Гарнетт (1914) является примером, в котором переводчик «невидим», вследствие чего текст легок в прочтении, однако за простотой скрывается нейтрализация значительного пласта реалий и малый процент сохранности исходного культурного кода.

В вопросе передачи реалий, обозначающих предметы быта, перевод К. Гарнетт продемонстрировал преимущественную утрату изначального культурного образа путем подмены изначального понятия на понятие, принадлежащее совершенно иной культуре, как в случае перевода слов, обозначающих музыкальные инструменты «гармонь» и «шарманка», при-
«Видимость» и «невидимость» переводчика при лингвокультурной адаптации реалий: диахроническое... 131
"Visibility" and "Invisibility" of the Translator in the Linguocultural Adaptation of Realia: A Diachronic Study of...

надлежащих русской культуре после ассимиляции. Данные инструменты были переведены как «concertina» («концертина»), т. е. как английский инструмент, который отличается от гармони и шарманки внешними характеристиками, способом использования и звучанием. Утрата исходного образа наблюдается и в случае перевода реалии «полуштоф». Несмотря на очевидное немецкое происхождение слова, «полуштоф» является русской реалией, обозначающей, с одной стороны, меру измерения в 0,6 л, а с другой – бутылку с алкоголем объемом 0,6 л. Наличие синонимов «jug», «quart» и «pot» в переводе К. Гарнетт препятствует созданию определенного образа данного предмета и отдаляет от исходного образа. Частичное сохранение образа наблюдается при переводе реалии «ушат» на «pail».

В ходе перевода реалий, обозначающих предметы одежды, в тексте К. Гарнетт наблюдается тенденция к подбору эквивалента, описывающего общую форму и разновидность без уточнений специфики, вследствие чего многие реалии были переведены общим понятием, препятствующим созданию более точного и конкретного образа описываемого предмета одежды.

Так, «бурнусик» (плащ-накидка из шерстяной ткани с капюшоном) и «меховая кацавейка» (короткая кофта, подбитая мехом) были переданы общим термином «sare». В первом случае при помощи этого переводческого решения было подобрано приблизительное соответствие в языке перевода, передающее общий вид и функцию данного предмета одежды. Во втором случае наблюдается некорректный подбор понятия в языке перевода, поскольку под кацавейкой понимается короткая кофта, а не накидка. В случае «мантильки» (легкая короткая накидка с удлиненными концами) был подобран более удачный вариант «mantle». Внешний вид вицмундира (дореволюционный форменный фрак гражданских чиновников) как специфической формы дореволюционных времен ограничился нейтральным понятием «uniform». Нейтрализация также наблюдается в переводе «ермолки» (традиционный еврейский мужской головной убор, плотно прилегающий к голове). Несмотря на существующее в английском языке слово «kiprah», в переводе К. Гарнетт обнаруживается вариант «sar» с отсутствием каких-либо описательных элементов, которые могли бы подробнее раскрыть специфические особенности ермолки, отличающие ее от других головных уборов. «Косынка» (женский предмет одежды, представляющий собой головной или шейный платок в виде отреза ткани треугольной формы) также подверглась нейтрализации, превратившись в тексте перевода в «shawl», лишившись своих особенностей. Наконец, «кафтан» (верхняя одежда с длинными лапами), «сибирка» (короткий кафтан с высоким воротником) и «сюртук» (длинная повседневная верхняя одежда среднего и высшего класса) также были переданы одним общим понятием – «coat». Таким образом, три данных предмета одежды, явно отличающиеся друг от друга фасоном, материалом и классовой принадлежностью, в переводе являются одним предметом.

В вопросе передачи гастрономических реалий перевод К. Гарнетт демонстрирует их сохранение ввиду использования существующих в английском языке эквивалентов. Однако некоторые использованные эквиваленты лишь частично передают исходный образ, что можно наблюдать на примере вариантов «pancakes» и «jam». В некоторых случаях сложно оценить удачность или неудачность перевода реалии из-за отсутствия однозначности в ее понимании на уровне носителей исходной культуры. Например, «заливное» и «кулебяка» –

две реалии, которые в настоящее время интерпретируются по-разному. С одной стороны, под «заливным» понимают холодное блюдо только из рыбы, с другой стороны – только из мяса. Однако во время написания романа под «заливным» понималось и то и другое. «Кулебяка» также сейчас воспринимается отдельными людьми только как пирог с мясом либо как пирог с рыбой, хотя традиционный рецепт включал одновременно мясо, рыбу, капусту и тертую морковь. Учитывая данное исходное значение, можно отметить генерализацию понятия «заливное» до «cold entrée with jelly» и конкретизацию реалии «кулебяка» до «fish-pie». Стоит отметить удачную попытку передать в переводе реалию «кутья» при помощи описательного перевода («traditional rice and honey»).

На основе анализа способов перевода реалий, обозначающих помещения и их части, в тексте К. Гарнетт прослеживается приверженность к варианту, который не отражает в достаточной мере исходное понятие, а также «деформирующую тенденцию», по А. Берману, – избыточное «улучшение» и «украшательство». Так, «кабак», «распивочная», «трактир» и «харчевня» – слова, объединенные одной тематикой, однако имеющие некоторые различия, которые, с одной стороны, сохраняются в переводах, а с другой – утрачиваются.

Разберем значения каждой из представленной выборки лексической единицы при помощи толковых словарей В. И. Даля, поскольку данные лексикографические источники фиксируют состояние лексикона русского языка эпохи Ф. М. Достоевского. Так, под кабаком понимается питейный дом, в котором осуществлялась продажа и распитие алкогольных напитков («питейный дом, место продажи водки, иногда также пива и меду» [22, с. 68]). Распивочная – это кабак, что также отражено в словарной статье («помещение с продажей алкогольных напитков; кабак; питейный дом, где идет распивочная продажа» [23, с. 66]), следовательно, два данных понятия являются синонимами. Под харчевней понимается место продажи и употребления пищи простого уровня («простое заведение, где едят за деньги» [23, с. 559]). Трактир представлял собой помещение, в котором располагалась гостиница и харчевня («гостиница и харчевня, где пьют и едят за плату, постоялый двор» [23, с. 436]). В ходе анализа было выявлено, что в переводе К. Гарнетт прослеживается тенденция к сведению понятий «кабак», «распивочная» и «харчевня» до генерализованного понятия «tavern» и конкретизации понятия «трактир» до «restaurant» с более возвышенным стилем, что приводит к искажению смысла, учитывая контекст, подразумевающий, что место, в котором находились Мармеладов и Раскольников, называться рестораном не может.

Перевод Д. Макдаффа (1991) отличается подчеркнутой «видимостью» переводчика, что выражено в наличие большого количества переводческих комментариев, вследствие чего объем текста перевода заметно больше оригинального по количеству страниц. Перевод романа, выполненный Д. Макдаффом, отличается сниженной читабельностью из-за частого применения транслитерации/транскрипции с развернутыми переводческими комментариями, однако при этом наблюдается сохранение исходной культурной специфики.

Как и в переводе К. Гарнетт, аналогичная ситуация с утратой изначального культурного образа ввиду подмены реалии наблюдается в переводе Д. Макдаффа, однако только в случае с музыкальными инструментами («гармонь» и «шарманка»), которые были переведены как «concertina» и «hurdy-gurdy». Стоит обратить внимание, что в переводе Д. Макдаффа произошла подмена русской реалии на английскую («concertina») и на французскую («hurdy-

gurdy»). Перевод реалии «полуштоф» как «half-shtof» демонстрирует введение неологизма путем создания полукальки, которое сопровождается переводческим комментарием, вследствие чего реалия сохраняется.

В вопросе перевода реалий, обозначающих предметы одежды, текст Д. Макдаффа демонстрирует попытку приблизительного перевода с подбором более удачных соответствий. Так, обозначилась разница между «бурнусиком» и «кацавейкой» (в отличие от перевода К. Гарнетт), выражающаяся в том, что оба понятия были переданы более удачными соответствиями – «burnous mantlet» и «fur jacket» соответственно. «Ермолка» также была дифференцирована от других головных уборов вариантом «skull-cap», в котором дан описательный элемент, подчеркивающий особенность этого головного убора. Понятию «сюртук» был подобран эквивалент «frock-coat», который создает однозначное представление о фасоне и классовой принадлежности данного предмета одежды; то же касается и «мантильки», переданной как «mantilla». Реалия, обозначающая кафтан, передана транслитерированной формой «saftan», которая в целом ассимилирована в языке перевода и имеет за собой определенный образ. Нейтрализация наблюдается в переводах понятий «вицмундир», который был передан общим понятием «uniform jacket», «косынка», переданная более отдаленным понятием «scarf», и «сибирка», в переводе которой наблюдается попытка сохранения этимологии изначального слова («Siberian saftan»), которая в действительности не выделяет каких-либо особенностей данного предмета одежды, хотя и позволяет понять читателю, что данный предмет одежды принадлежит русской культуре.

В переводе наблюдается применение конкретизации в случае передачи гастрономической реалии «заливное» до «jellied meat» и сохранение формального облика слова «kulebiaka» с переводческим комментарием «pies with meat, fish or cabbage stuffing» [20, p. 664], который способствует сближению смысла и транслитерированной формы. Однако утрата связи реалии и слова наблюдается на примере перевода понятия «кутья» – нетипичная для ИЯ комбинация букв «kutya» без переводческого комментария или любого другого описательного элемента.

Отмечается дифференциация четырех разных помещений с целью выделения разницы между ними («трактир» был передан эквивалентом «inn», а «кабак», «распивочная» и «харчевня» – лексическими единицами, в которых были заключены ключевые характеристики понятий: «drinking-house», «drinking den» и «eating-house» соответственно).

Перевод Р. Пивиара и Л. Волохонской (1992) является примером сохранения баланса: работа переводчиков «видима», однако «давление» на принимающую культуру умеренное. Культурно-маркированная лексика преимущественно передана описательным переводом; случаи транскрипции/транслитерации сопровождаются переводческими комментариями.

В переводе сохранены исходные образы реалий путем введения понятий, ассоциирующихся с русской культурой, что демонстрирует перевод слов «гармонь» и «шарманка» («accordion» и «barrel organ» соответственно).

Переводческие решения Р. Пивиара и Л. Волохонской во много сходны с решениями Д. Макдаффа. Так, наблюдается приблизительный перевод понятий «ермолка» и «мантилька» («skullcap» и «little cap» соответственно), а также описательный перевод понятий « меховая кацавейка» и «сибирка» («fur-trimmed jacket» и «tight-waisted coat» соответственно). Эти стратегии сохраняют разнообразие представленных предметов одежды.

«Кафтан» также был передан транслитерированным вариантом «caftan». Интересен случай передачи понятия «косынка» максимально близким понятием «kerchief», который сохраняет внешний вид данного женского головного убора. В ходе перевода понятий «бурнусик», «вицмундир» и «сюртук» наблюдается нейтрализация, в ходе которой были подобраны общие понятия: «wgar», «uniform» и «jacket» соответственно.

В переводе присутствует применение конкретизации «fish in aspic» и «meat pie», а также введение транслитерированного варианта «kut'ya» с переводческим комментарием, вследствие чего понятие обретает смысловую форму («special dish offered to people at the end of a memorial service <...> made from rice (or barley, or wheat) and raisins, sweetened with honey» [21, p. 555]): конкретизируется рецепт данного блюда, а также обстоятельство, когда оно готовится и подается, что имеет большое значение для приближения читателя к пониманию иноязычной культуры.

Аналогичный подход сохранения разнообразия и смысла наблюдается в передаче единиц «кабак» и «харчевня» через единицы, в которых выделены смысловые характеристики: «rot-house» и «cook-shop» соответственно. Однако «распивочная» и «трактир» были переданы единым понятием «tavern», что расширило значение в первом случае и сузило во втором.

Заключение. В результате сопоставительного анализа трех англоязычных переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» было выявлено, что наиболее распространенной стратегией перевода культурно-маркированной лексики является приблизительный перевод, который позволяет частично сохранить значение, однако утрачивает национально-культурное своеобразие и приводит к нейтрализации реалии. В рамках данного способа переводчик производит родовидовую замену, генерализацию, заменяя культурно-маркированную лексику более общим понятием с нейтральной коннотацией. Данной стратегии можно противопоставить точный перевод, отдающий предпочтение транскрипции/транслитерации, в ходе которой переводчик сохраняет формальный облик реалии (фонетическую и орфографическую форму), но утрачивает любые связи с исходным образом, вследствие чего появляется необходимость во внедрении культурологического комментария.

В ходе сравнительно-сопоставительного анализа был оценен процент сохранности культурного кода в каждом переводе: учитывалась полная сохранность культурного образа, частичная сохранность и утрата культурного кода. Из всех рассмотренных переводов в варианте К. Гарнетт прослеживается тенденция к максимальной нейтрализации культурно-маркированной лексики, вследствие чего утрачивается индивидуальный стиль писателя и культурный колорит всего исходного произведения, а текст перевода становится простым для восприятия (42 % реалий утрачено, 39 % частично сохранено, 19 % полностью сохранено). Перевод Д. Макдаффа отличается применением приблизительного перевода, а также транслитерации/транскрипции с добавлением переводческого комментария, устанавливающего связь между формальным обликом слова и его исходным значением. Результатом данного подхода является сложный для восприятия текст перевода с полной репрезентацией иноязычной культуры (12 % реалий утрачено, 23 % частично сохранено, 77 % полностью сохранено). В переводе Р. Пивиара и Л. Волохонской наблюдаются приблизительный и описательный переводы с целью сохранения реалий. Текст перевода представляет собой баланс, в котором «давление» перевода на принимающую культуру умеренно и не осложняет

восприятие художественного произведения (4 % реалий утрачено, 46 % частично сохранено, 50 % полностью сохранено).

Полученные результаты сравнительно-сопоставительного анализа трех переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» показали все трудности лингвокультурной адаптации культурно-маркированной лексики и позволили сделать выводы о меняющихся стратегиях перевода в диахронии. Эти результаты позволяют судить об изменениях в норме перевода и восприятии роли переводчика: от стремления создать простой для прочтения текст, который близок представителям принимающей культуры ввиду минимального количества маркеров иноязычной культуры, до максимального раскрытия всех культурных маркеров посредством создания неологизма, введения транслитерированного варианта, сопровождающегося переводческим комментарием, либо посредством описательного перевода.

Стремление к «прозрачности» и «невидимости» образа переводчика, характерное для более ранних переводов, вытесняется на современном этапе тенденцией к «видимости» переводчика, при которой перевод сохраняет за собой право не читаться как оригинал, намеренно затрудняя читателя инолингвокультурными вкраплениями и фокусируя на них внимание за счет пояснений. При этом переводчику важно сохранить баланс между культурологической точностью и читабельностью произведения, которое не должно превратиться в справочное пособие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wade A. Gen Z discover Dostoevsky novella written 1848 and dub it “like Harry met Sally” – causing sales to surge to record high // Daily Mail. 19.12.2024. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-14209607/Gen-Z-discover-Dostoevsky-novella-written-1848-dub-like-Harry-met-Sally-causing-sales-surge-record-high.html> (дата обращения: 13.08.2025).
2. Harari T. T., Sela Y., Bareket-Bojmel L. Gen Z during the COVID-19 crisis: a comparative analysis of the differences between Gen Z and Gen X in resilience, values and attitudes // Current Psychology. 2023. Vol. 42. P. 24223–24232. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03501-4>.
3. Permana V. G., Mar’at S., Soetiko N. Loneliness of Z Generation Adolescents in the Covid-19 Pandemic: Descriptive Study // Advances in Health Science Research. 2021. Vol. 41. P. 159–163. DOI: <https://doi.org/10.2991/ahsr.k.211130.027>.
4. Annamalai S., Vasunandan A., Mehta A. Social isolation and loneliness among Generation Z employees: can emotional intelligence help mitigate? // Cogent Business & Management. 2025. Vol. 12, iss. 1: 2441474. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2441474>.
5. Разумовская В. А. «Сверхтекст» как форма существования «сильного» художественного текста // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15, № 1. С. 262–275. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275>.
6. Шерстнева Е. С. Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты // Ученые записки Петргу. 2020. Т. 42, № 3. С. 96–102. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.471>.
7. Damrosch D., Pike D. L. Longman Anthology of World Literature. London: Pearson, 2011.
8. Damrosch D. What is world literature? Princeton: Princeton Univ. Press, 2003.
9. David J. Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la «littérature mondiale». Paris: Les prairies ordinaires, 2011.
10. Apter E. The Translation Zone: A New Comparative Literature. Princeton: Princeton Univ. Press, 2006.

11. Apter E. *Against World Literature: On the Politics of Untranslatability*. NY: Verso, 2013.
12. Venuti L. *The Translator's Invisibility: A history of translation*. NY: Routledge, 2004.
13. Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses / B. Buden, S. Nowotny, S. Simon et al. // *Translation Studies*. 2009. Vol. 2, iss. 2. P. 196–219. DOI: <https://doi.org/10.1080/14781700902937730>.
14. Venuti L. *The Scandals of Translation. Towards an Ethics of Difference*. NY: Routledge, 1998.
15. Berman A. *Translation and the trials of the foreign*. NY: Routledge, 2004.
16. Hermans T. Cross-cultural translation studies as thick translation // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 2003. Vol. 66, iss. 3. P. 380–389. DOI: [10.1017/S0041977X03000260](https://doi.org/10.1017/S0041977X03000260).
17. Филиппова И. Н. О некоторых факторах переводной множественности // *Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8, № 2. С. 241–248. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-241-248>.
18. Достоевский Ф. М. *Преступление и наказание*. СПб.: Азбука-Аттикус, 2024.
19. Dostoyevsky F. *Crime and Punishment* / transl. by C. Garnett. Oxford: Benediction Classics, 2017.
20. Dostoyevsky F. *Crime and Punishment* / transl. by D. McDuff. London: Penguin Books, 2003.
21. Dostoyevsky F. *Crime and Punishment* / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. London: Vintage Books, 2007.
22. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 2. СПб.: Гостиный двор, 1881.
23. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. СПб.: Гостиный двор, 1882.

Информация об авторе.

Соколова Анастасия Сергеевна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор 13 научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительно-сопоставительная лингвистика, теория и практика перевода, лингвистика текста.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.08.2025; принята после рецензирования 08.11.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.*

REFERENCES

1. Wade, A. (2024), "Gen Z discover Dostoevsky novella written 1848 and dub it "like Harry met Sally" – causing sales to surge to record high", *Daily Mail*, 19.12.2024, available at: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-14209607/Gen-Z-discover-Dostoevsky-novella-written-1848-dub-like-Harry-met-Sally-causing-sales-surge-record-high.html> (accessed 13.08.2025).
2. Harari, T.T., Sela, Y. and Bareket-Bojmel, L. (2023), "Gen Z during the COVID-19 crisis: a comparative analysis of the differences between Gen Z and Gen X in resilience, values and attitudes", *Current Psychology*, vol. 42, pp. 24223–24232. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03501-4>.
3. Permana, V.G., Mar'at, S. and Soetiko, N. (2021), "Loneliness of Z Generation Adolescents in the Covid-19 Pandemic: Descriptive Study", *Advances in Health Science Research*, vol. 41, pp. 159–163. DOI: <https://doi.org/10.2991/ahsr.k.211130.027>.
4. Annamalai, S., Vasunandan, A. and Mehta, A. (2025), "Social isolation and loneliness among Generation Z employees: can emotional intelligence help mitigate?", *Cogent Business & Management*, vol. 12, iss. 1: 2441474. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2441474>.
5. Razumovskaya, V.A. (2024), ""Supertext" as a Form of a "Strong" Fiction Text Existence", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 15, no. 1, pp. 262–275. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275>.

6. Sherstneva, E.S. (2020), "Retranslation within the evolution of translators' reception of the original: culturological and ethical aspects", *Proceedings of Petrozavodsk State Univ.*, vol. 42, no. 3, pp. 96–102. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.471>.
7. Damrosch, D. and Pike, D.L. (2011), *Longman Anthology of World Literature*, Pearson, London, UK.
8. Damrosch, D. (2003), *What is world literature?*, Princeton Univ. Press, Princeton, USA.
9. David, J. (2011), *Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la "littérature mondiale"*, Les prairies ordinaires, Paris, FRA.
10. Apter, E. (2006), *The Translation Zone: A New Comparative Literature*, Princeton Univ. Press, Princeton, USA.
11. Apter, E. (2013), *Against World Literature: On the Politics of Untranslatability*, Verso, NY, USA.
12. Venuti, L. (2004), *The Translator's Invisibility: A history of translation*, Routledge NY, USA.
13. Buden, B., Nowotny, S., Simon, S., Bery, A. and Cronin, M. (2009), "Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses", *Translation Studies*, vol. 2, iss. 2, pp. 196–219. DOI: <https://doi.org/10.1080/14781700902937730>.
14. Venuti, L. (1998), *The scandals of translation. Towards an ethics of difference*, Routledge, NY, USA.
15. Berman, A. (2004), *Translation and the trials of the foreign*, Routledge, NY, USA.
16. Hermans, T. (2003), "Cross-cultural translation studies as thick translation", *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 66, iss. 3, pp. 380–389. DOI: 10.1017/S0041977X03000260.
17. Filippova, I.N. (2017), "On Some Factors of Translation Multiplicity", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 8, no. 2, pp. 241–248. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-241-248>.
18. Dostoevskii, F.M. (2024), *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment], Azbuka-Attikus, SPb., RUS.
19. Dostoyevsky, F. (2017), *Crime and Punishment*, Transl. by Garnett, C., Benediction Classics, Oxford, UK.
20. Dostoyevsky, F. (2003), *Crime and Punishment*, Transl. by McDuff, D., Penguin Books, London, UK.
21. Dostoyevsky, F. (2007), *Crime and Punishment*, Transl. by Pevear, R. and Volokhonsky, L., Vintage Books, London, UK.
22. Dal', V. (1881), *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language], vol. 2, Gostinyi dvor, SPb., RUS.
23. Dal', V. (1882), *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language], vol. 4, Gostinyi dvor, SPb., RUS.

Information about the author.

Anastasiia S. Sokolova – Applicant for the Degree of Can. Sci. (Philology), The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of 13 scientific publications. Area of expertise: comparative linguistics, theory and practice of translation, text linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.08.2025; adopted after review 08.11.2025; published online 20.02.2026.*